

Октября 21 (3 ноября)

Преподобномученик
Софроний (Несмеянов)

Есть люди мужественные и самостоятельные от рождения, которые одинаково ровно несут крест послушания воинского, крестьянского или священнического. Таким был донской казак Софроний Харитонович Несмеянов, чье воспитание, выучка и правила жизни выработались в православной семье в родном приходе села Хрущевка 2-го округа Донской области. Хоть родители и крестьяне, а из братьев крестьянствовать остался только Архип Харитонович да сестра Анастасия, рано потерявшая мужа; другой брат, Климентий Харитонович, стал священником.

Преподобномученик Софроний родился 11 марта 1870 года. Когда ему исполнился двадцать один год, он был призван на действительную службу в армию. Начальство определило его в артиллерийскую бригаду, стоявшую в городе Бендеры, где ему приходилось исполнять обязанности плотника. По окончании военной службы в 1899 году Софроний Харитонович поступил плотником на машиностроительный завод Гартмана и проработал здесь девять лет. Ему было уже тридцать восемь лет, когда он сделал решительный выбор в своей жизни и, оставив мир, профессию, которая кормила и обеспечивала его, поступил послушником в Свято-Духовский монастырь в городе Царицыне, где принял монашеский постриг с оставлением того же имени. Вскоре он был назначен на должность эконома. В 1910 году епископ Алексей (Дородницын) взял его к себе келейником и рукоположил в сан иеродиакона. В 1915 году епископ Петровский, викарий Саратовской епархии Дионисий (Прозоровский), рукоположил его в сан иеромонаха к одному из храмов в Саратове. В 1917 году он прожил несколько месяцев в Хвалынском монастыре и затем был командирован в миссионерскую школу в село Подлесное к иеромонаху Антонию, где подвизался до середины 1918 года.

Повсеместно шло разрушение Российского государства, началась гражданская война между белой армией и большевиками. Узнав о начале военных действий, о. Софроний счел невозможным для себя при таких событиях оставаться в стороне: в январе 1919 года он ушел на юг России и поступил в Добровольческую армию Деникина полковым священником, где прослужил до разгрома белого движения, но с белыми не эмигрировал, решил остаться на родине, чем бы ему это ни угрожало. В 1920 году он поступил на подворье Георгиевского Балаклавского монастыря в Екатеринодаре, где жил в те годы настоятель монастыря архимандрит Дамаскин (Цедрик), который вскоре был арестован и сослан, а само подворье в 1922 году было закрыто. Иеромонах Софроний стал служить в приходских храмах различных сел, а в 1924 году вернулся в Саратов и получил назначение в храм села Старая Яблонька. В 1925 году он был переведен в храм села Самодуровка, а вскоре за тем в село Казаковку.

Несмотря на преследования и притеснения властями Православной Церкви, о. Софроний делал все для просвещения своих прихожан, заведя в своем приходе регулярные уроки Закона Божия; за это власти в 1926 году арестовали его и

попытались отдать под суд, но из этого ничего не получилось, и дело кончилось тем, что священник вынужден был перейти в храм села Юрьевки.

В это время «архиепископом» Уральской епархии и Вольского викариатства был Михаил Постников, один из активнейших деятелей обновленческого раскола¹. В Саратовской епархии он не только устраивал беседы о правоте обновленческого движения, но и проводил диспуты, куда приглашал православных, стараясь добиться перехода в обновленчество как можно большего их числа, а в тех, кто не перейдет, посеять смущение и, таким образом, отвести от активной борьбы с обновленческим расколом. Как выученик Демидовского лицея, имея степень кандидата права, он понимал, что лучше всего действовать с помощью фактов, которые подтверждались бы документами. И теперь на всех диспутах он дело подводил к тому, что Священный Синод обновленческой церкви – единственно признанный в качестве законного церковного возглавия Вселенским и Восточными Патриархами, между тем как так называемые староцерковники-тихоновцы этими Патриархами не признаны. В доказательство он показывал документ, подписанный представителем Вселенского Патриарха в России архимандритом Василием Димопуло. После этого он, обращаясь к православным священникам и мирянам, требовал, чтобы и они представили документы о признании их Восточными Патриархами.

Но какой документ могло представить в те годы православное духовенство сел и городов, не говоря уже о мирянах, для которых гражданскими властями была закрыта всякая возможность иметь сношение с православными церквями за рубежом. Среди православных росло смущение и смятение, а глава вольских обновленцев, видя, что успех явно на его стороне и при некоторых усилиях можно лишить православных всех храмов, действовал решительно и энергично, не жалея времени и сил.

Положение, таким образом, становилось критическим. И в конце концов верующие православных приходов подняли вопрос, что им необходимо заручиться документами заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и представителя Вселенского Патриарха архимандрита Василия о признании митрополита Сергия и его временного Синода Восточными Патриархами. Прихожане села Юрьевки постановили послать в Москву для выяснения всех вопросов своих представителей. Впрочем, большой охоты ехать никто не проявил, и пришлось согласиться на поездку о. Софрония. От лица прихожан было составлено заявление на имя председателя ВЦИКа Калинина, чтобы тот разрешил обратиться с просьбой о выяснении данного вопроса к Восточным Патриархам.

Дело было глубоко церковное, насущное и в условиях гонения далеко не безопасное, и о. Софроний поехал к православному архиерею благословиться и посоветоваться. Он не поехал к епископу Вольскому, викарию Саратовской епархии Симеону (Михайлову), зная, что тот не защитит православных, а направился к правящему архиерею, архиепископу Саратовскому Фаддею (Успенскому), зная его как великого православного подвижника, и попросил благословения на поездку к митрополиту Сергию. Святой архиепископ Фаддей с радостью благословил его в путь.

23 декабря 1927 года иеромонах Софроний благополучно прибыл в Москву и сразу же направился в патриархию, где его принял член временного Синода митрополит Серафим (Александров). Иеромонах Софроний изложил суть дела, спросив, есть ли у Патриаршего Синода связь со Вселенским и Восточными

Патриархами и существует ли официальная грамота о признании ими временного Патриаршего Синода. Владыка ответил, что и связь есть, и соответствующие грамоты имеются.

– А нельзя ли с ними ознакомиться и снять с них копии? – спросил о. Софроний.

– На это нужно испросить благословение митрополита Сергия, – ответил владыка и пригласил зайти к митрополиту.

Иеромонах Софроний изложил митрополиту Сергию суть своей просьбы, рассказал, что им и его прихожанами составлено заявление на имя Калинина, чтобы было разрешено письменно снести с Восточными Патриархами и получить от них официальные ответы, рассказал о той смуте, которую сеют обновленцы, и сколь тяжело приходится православным, когда они не имеют никаких документов в свою защиту.

Митрополит Сергей сказал, что Калинину заявление посылать не нужно, что связь у патриархии с Восточными Патриархами есть и грамота о признании Патриаршего Синода Восточными Патриархами также имеется. «Сами грамоты вам будут даны, чтобы вы с них сняли копии, – сказал митрополит, – а как снимете копии, мы их вам официально заверим». Выйдя от митрополита Сергия, о. Софроний пошел к управляющему делами Патриаршего Синода епископу Сергию (Гришину) и сказал, чтобы он дал ему прочитать и снять копии с соответствующих грамот Восточных Патриархов, на что имеется благословение заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. Владыка Сергей не поверил, что иеромонаху далекой Саратовской епархии было дано разрешение на снятие копий, и пошел уточнить. И вскоре, вернувшись от заместителя Местоблюстителя, епископ Сергей с удивлением сказал, что, действительно, такое благословение есть, а затем выдал и сами грамоты, и перевод их на русский язык. Зная, что пишет медленно и переписка займет много времени, о. Софроний попросил переписать грамоты случившегося тут священника. В то время, когда о. Софроний ждал, пока перепишутся грамоты, в приемную вошел некий архимандрит, на которого кто-то из присутствующих указал о. Софронию как на архимандрита Василия, представителя Вселенского Патриарха. Между тем, он сказал, что явился к митрополиту Сергию с пакетами от Патриарха Константинопольского, и прошел в кабинет заместителя Местоблюстителя. Когда архимандрит Василий вышел, о. Софроний обратился к нему:

– Отец архимандрит, вы что же в два Синода ходите – к обновленцам и в Патриарший Синод – и устраиваете раскол?

– Нет! Нет! – энергично запротестовал архимандрит.

– Можете ли вы мне дать документ, – сказал о. Софроний, – в котором было бы сказано, что наш митрополит Сергей и его Патриарший Синод признаются Вселенским Патриархом?

В ответ о. Василий сказал, что даст соответствующий документ, и предложил о. Софронию зайти к нему в канцелярию и дал адрес.

Получив копии грамот Восточных Патриархов и заверив их у епископа Сергия, о. Софроний сразу же отправился по указанному адресу, где архимандрит Василий в тот же день вручил ему официальный документ. В этом документе он писал: «В ответ на Вашу просьбу сообщая, что Заместитель Местоблюстителя Патриарха, Митрополит Нижегородский Сергей, и его Священный Синод имеют письменное и молитвенное общение с Великой Христовой Церковью Вселенской

и всеми Восточными Вселенскими Патриархами. Вселенская Константинопольская Патриархия не может признавать и никогда не признавала женатый епископат и второбрачие духовенства, так как это противоречит правилам церковным, действующим во всей Православной Церкви».

Когда о. Софроний сидел в приемной митрополита Сергия, он слышал беседу духовенства о том, насколько вообще канонично обновленчество. Приехав домой, он составил на основании услышанных сведений некую памятку: «В 1924 году Святейший Патриарх Тихон совместно с собором епископов вынесли постановление об отлучении от Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви всех епископов и священников, уклонившихся в обновленчество... С того времени эти отлученные и лишенные благодати не могут совершать никаких таинств, а если и совершают, то допускают величайший грех кощунства, а действия их не принимаются и не признаются. Так, крещение младенцев, браки, отпевания покойников – все это недействительно, потому что совершается лицами, низведенными в степень мирян, простолюдинов. Если помрет кто в обновленчестве из ярых защитников обновления, то таковые совсем лишаются церковного погребения как враги Божии. По правилам святых апостолов семи Вселенских Соборов окончательное решение об обновленцах будет на Православном Соборе, а до этого за явных и сознательных раскольников-обновленцев нельзя даже приношение принимать на Божественной литургии».

Отец Софроний, имея копии Патриарших грамот и письмо архимандрита Василия, мог торжествовать – у обновленцев не оставалось никаких документальных фактов в подтверждение своей правоты; они являли себя самочинным и незаконным сборищем. Приехав домой, он за первой же службой прочел грамоты Восточных Патриархов и справку архимандрита Василия. Впечатление было громадное, ощущение смуты и неуверенности, которое всевали в души православных обновленцы, исчезло. «Ну, слава Богу, – вздохнули православные, – наша Церковь имеет связь со Вселенским Патриархом, и теперь обновленцы не будут нас поносить».

12 января 1928 года о. Софроний поехал в село Болтай к священнику Горнову. В этом селе обновленческий священник Георгий Алференко при поддержке советских властей захватил храм Покрова Божией Матери, но православные не отказались от службы и оборудовали для богослужения молитвенный дом, где и служил священник Горнов, которого о. Софроний хорошо знал. Прочитав привезенные документы, он снял с них копии для своих прихожан. В тот же день пригласили Георгия Алференко, чтобы и он ознакомился с документами. Священники надеялись, что вера в Спасителя, в вечную жизнь и несожженная совесть переселят личную корысть, но этого не произошло. Как у многих сектантов и раскольников, чрезвычайная личная заинтересованность и узость взгляда, появившееся в результате раскольнической деятельности омертвление душевное, довели души многих обновленцев до такого состояния гордости и желания дальнейшего коснения в ней, что они согласны были стать открытыми безбожниками, только бы избежать искреннего покаяния.

Георгий Алференко ознакомился с документами, прочитал грамоты, в частности архимандрита Василия, и сказал:

– Если эти грамоты окажутся действительными, то ваше желание объединить расколовшихся верующих осуществится, что же касается нас, священников, то мы никогда не объединимся.

– А что же вы тогда будете делать? – спросил о. Софроний.

– Пойду тогда в дворники.

– То есть в безбожники пойдешь? – спросил о. Софроний.

– Почему же, и дворники могут быть божниками, – ответил обновленец, а затем стал просить о. Софрония, чтобы тот дал ему с собой документы, объясняя это тем, что ему хотелось бы снять с них копии.

Отец Софроний не поверил в благость намерений обновленца и отказал. На этом они расстались. Православный священник стал читать копии документов в молитвенном доме, и некоторые верующие, ушедшие было к обновленцам, начали возвращаться в Православную Церковь.

Забеспокоился и обновленец Георгий Алференко – хорошо и безопасно во время гонений быть слугой безбожных властей, но хорошо в том случае, когда удастся обманывать паству. Чтобы как-то противодействовать переходу верующих от обновленцев к православным, Георгий Алференко решил принять свои меры и попросил православного священника Горнова снять копии с имеющихся у него документов. Получив копии грамот, он направил их через Вольское Епархиальное Управление в Священный Синод (обновленческий. – И. Д.) как бы для проверки и очень скоро получил ответ, что грамоты Вселенского и Восточных Патриархов, которые имеются у иеромонаха Софрония, не подлинны, что Патриархи подтвердили свое общение с обновленцами новыми грамотами от 24-25 декабря 1927 года, о чем будет незамедлительно разослано сообщение по всем епархиальным управлениям, чего, конечно, сделано не было. Но самое действенное средство борьбы с Православной Церковью заключалось не в церковно-юридических спорах, а в прямом обращении к властям, чтобы те своими средствами расправились с православными.

Казанская церковь села Больших Озерков была захвачена обновленцами. Церковь эта находилась неподалеку от села Юрьевки, где в храме Рождества Богородицы служил о. Софроний. Опасаясь, что привезенные о. Софронием документы и активная проповедь его и его прихожан приведут к тому, что те немногие обновленцы, которые были в этом селе, перейдут к православным и храм придется отдать, церковный совет обновленцев 3 февраля 1928 года направил официальное заявление в Озерский волостной штаб милиции. Обновленцы, конечно, не стали писать ни о грамотах патриархов, ни о церковных разделах. Власть можно было натравить на своих противников, представив их ее непримиримыми врагами. Они писали, что из соседнего села «рассылаются агенты во все концы нашего прихода, которые ходят по домам и агитируют, что вы, мол, пропали вместе со своим попом, так как он коммунист, стоящий за власть, и потому вы, мол, Царствия Божия не наследуете, и вот, мол, подпишитесь на нашу сторону за юрьевского монаха... и, кроме того, постоянно... бывают какие-то собрания, на которых только и умудряются во что бы то ни стало выгнать нашу сторону из церкви, а самим им вместе с юрьевским монахом завладеть ею; монах, в свою очередь, тоже проделывает то же самое. Ввиду этого просим штаб милиции принять со своей стороны... какие-либо меры... дабы между нами (обновленцами и православными. – И. Д.) не произошло чего-либо». Подписали жалобу руководители местных обновленцев – председатель прихода Синкин и секретарь Шишкин.

10 февраля ОГПУ допросило священника-обновленца Георгия Алференко. Пожаловавшись на то, что православные священники читают грамоту представителя Вселенского Патриарха, из которой следует, что Константинопольский Патриарх признает Православную Церковь, а это, конечно,

задевает и тревожит совесть верующего человека, Георгий Алференко показал: «Из неоднократных разговоров со священниками обновленцами села Калинина Большеозерской волости Муратовым Иваном Николаевичем и села Больших Озерков Романовым Григорием Павловичем выяснилось, что иеромонах Софроний ведет агитацию против обновленцев, называя их красными советскими попами и даже коммунистами. Все это могут подробно освятить священники-обновленцы Муратов и Романов».

На следующий день был допрошен обновленческий священник Григорий Романов, который сказал: «Иеромонах Софроний Несмеянов ведет агитацию среди населения Большеозерской волости. Неоднократно приезжал в село Большие Озерки для совершения погребений, на которые обычно собирается много народа, и вот он здесь начинает призывать прихожан-обновленцев, чтобы они бросили ходить молиться в Большеозерскую церковь, так как эта церковь стала поганая, в ней служит поп-коммунист, который поставлен властью и отстаивает интересы власти. Когда иеромонах Софроний привез из города Москвы грамоты Восточных Патриархов за подписью представителя последних, архимандрита Василия, то он говорил обновленческому приходу, что вот, верующие, вас ваш Священный Синод все время обманывал, потому что Восточные Патриархи ваш Синод никогда не признавали и с вами никаких дел не имели и не имеют, а они идут с нами и признают только нас, в доказательство чего читал эти грамоты им и предлагал им выгнать обновленца-попа».

В тот же день допросили председателя и секретаря обновленческого прихода, написавших жалобу в штаб милиции. Они подтвердили все написанное, после чего был выписан ордер на обыск и арест иеромонаха Софрония.

Через несколько дней, в праздник Сретения, состоялся допрос. Заполняя анкету, следователь спросил о. Софрония, каковы его политические убеждения и признает ли он советскую власть. Отец Софроний ответил:

– Признаю и приветствую ту власть, при которой я живу.

Когда следователь спросил, где о. Софроний находился во время гражданской войны, мужественный священник ответил:

– В 1919 и в 1920 годах добровольно служил в армии Деникина полковым священником.

Следователь спросил, был ли он судим при советской власти. Отец Софроний ответил:

– Был судим в 1926 году за преподавание Закона Божьего. И сейчас у меня описано все имущество за неуплату налогов.

На вопрос, зачем он поехал в Москву, о. Софроний ответил:

– В связи с тем, что при споре с обновленцами, кого признают Восточные Патриархи – нас, тихоновцев, или их, обновленцев, обновленцы всегда указывали, что у них есть грамоты Вселенского Патриарха о признании их Синода и даже при их Синоде есть представитель Вселенского Патриарха Василий Димопуло. Всему этому я плохо верил, а потому решил съездить в Москву.

Сразу же после ареста о. Софрония последовал новый донос обновленцев в ГПУ: «На днях приехал уполномоченный по делу юрьевского иеромонаха Софрония Несмеянова и арестовал его как политического преступника. Но, к сожалению всего населения, уполномоченный не коснулся других злостных контрреволюционеров. Ставлю на вид Государственному Политическому Управлению основателя этой контрреволюционной банды гражданина Якова Алексеевича Кадерова и его супругу, Анну Александровну, и его помощников.

После ареста монаха эта банда тайком собирается и со своих собраний выносит на народ страшную смуту, что-де монах арестован не за преступление, а за правду Христову и что власть советская от антихриста, мучительница и гонительница... и простой народ относится к ним, как к благочестивым, доверчиво, и общественный мирный порядок нарушается... На основании вышеизложенного, во избежание могущих произойти кровавых вспышек, прошу Государственное Политическое Управление немедленно поступить с вышеозначенными политическими контрреволюционерами по всей строгости закона Советской республики».

Получив донос обновленцев, следователь ГПУ снова допросил о. Софрония. На вопросы следователя священник отвечал: «В январе 1925 года я по приглашению прихожан из села Крутец Озерской волости ездил туда служить всенощную, и по окончании службы у меня молящиеся стали просить прочитать привезенные мной из Москвы документы, но мне в это время нездоровилось, и я сказал, что если они хотят читать, то пусть читают сами, что они и сделали, и в присутствии человек восемнадцати была прочитана справка Димопуло. Также привезенные документы давал читать и списывать с них копии гражданину села Озерки Кадерову Якову Алексеевичу и юродивой старой деве Ксении. Для чего Кадеров и Ксения снимали копии, я сказать не могу, но думаю, что для прочтения другим верующим. После Крещения я приезжал в город Вольск к епископу Симеону (Михайлову. – И. Д.). Когда я епископу Симеону рассказал о привезенных мною грамотах и сказал, что я их читаю и даю снимать копии, то епископ Симеон мне строго приказал никому больше не давать снимать копий, а если кто ко мне придет в квартиру и попросит почитать, то я могу эти документы дать почитать. После этого я снимать копии с этих документов никому не давал, но читать давал при таких обстоятельствах. В одно из воскресений, после моего разговора с епископом Симеоном, ко мне приехали обновленческий священник из села Столыпино Муратов, председатель церковного совета, секретарь этого же совета и еще человека четыре из прихожан. Здесь мы прочитали грамоты и стали обсуждать. Сторонники обновленцев говорили, что эти документы подложные, а староцерковники, наоборот, заявляли, что документы настоящие. После разговоров и обсуждений столыпинский священник просил меня дать ему копии с этих документов, но я сказал, что епископ Симеон мне это делать запретил, и не дал».

После ареста о. Софрония и заключения его в тюрьму города Вольска верующие храма Рождества Богородицы, где служил о. Софроний, направили делегацию в Вольск с письменным ходатайством об освобождении священника, под которым подписались все православные жители, около двухсот человек. В своем прошении они писали: «11 февраля 1928 года по распоряжению вашему (ГПУ. – И. Д.) был арестован наш приходской священник иеромонах Софроний Несмеянов, который находится теперь в исправдоме города Вольска. Настоящим свидетельствуем, что иеромонах Софроний за время своего служения у нас в храме и приходе, не говорил речей против советской власти и ее представителей. В своих речах он всегда призывал помогать бедным людям. Сам он всегда в том показывал пример, разделял свой доход беднякам. Всегда он был прост в своем обращении с прихожанами, старыми и малыми. Зная о нем как о болезненном человеке, мы боимся за его здоровье. И тем более, он нам нужен теперь, идет Великий пост. Смело ручаемся, что иеромонах Софроний всегда придет к ответу перед ГПУ. А посему просим выпустить его для служения нам».

Кроме того, представители православной общины крестьянки Вера Кучкина и Матрена Кулакова подали отдельное заявление. В нем они писали в ГПУ Вольского уезда: «Мы, община, в настоящее время хозяева, а священник у общины работник. Ввиду этого мы, уполномоченные православной христианской общины, просим освободить нашего священника Софрония Несмеянова, в котором вся община имеет крайнюю нужду. А поэтому нас уполномочили просить Вас отпустить до суда на поруки всей юрьевской общины нашего священника Софрония Несмеянова. И мы без результата не поедем, пока Вы не отпустите, и если не отпустите, то мы будем просить телеграммой председателя ЦИКа Михаила Ивановича Калинина о распоряжении Вольскому ГПУ об удовлетворении нужды народной: отпустить священника Несмеянова до суда на поруки юрьевской общины».

Напуганный прошениями и настойчивостью верующих, сотрудник ГПУ в тот же день отправил о. Софрония этапом из Вольска в Саратовский изолятор специального назначения, но документов на содержание в тюрьме ГПУ не прислал, и начальник тюрьмы направил в Саратовское ГПУ запрос с просьбой: «Выслать постановление на содержание под стражей».

13 апреля уполномоченный Саратовского ГПУ подписал постановление: «Принимая во внимание совершенные им преступления... избрать Несмеянову Софронию Харитоновичу... содержание под стражей в Саратовском губернском изоляторе по 2-й категории...»

Отец Софроний виновным себя не признал и, находясь в тюрьме, 19 апреля написал в ГПУ заявление, которое передал через старшего надзирателя по корпусу. В нем священник писал: «Отобранные у меня во время обыска агентом ГПУ города Вольска документы, – все духовного и церковного характера и направления, защищающие церковные законы и апостольские и соборные правила. В числе этих документов есть документ, выданный греческим представителем, архимандритом Василием Димопуло, который проживает в Москве. Этот документ Димопуло был выдан нам в подтверждение... того, что наша Церковь патриаршего управления признается Вселенским Патриархатом. Такой документ нам необходим был, потому что представитель обновленческой церкви епископ Михаил Постников, проезжая по коллективам с обзором, на диспутах предъявлял документ, выданный греческим представителем Димопуло, о том, что их обновленческий Священный Синод признан Вселенским Патриархатом, заявляя молящимся, что староцерковники патриаршего течения Вселенским Патриархом не признаются, и громко вызывал, чтобы мы предъявили документ о том, что мы признаны Вселенским Патриархом. После этого я поехал по поручению общин в Москву к заместителю Местоблюстителя Митрополиту Сергию, где в Синоде первый раз случайно встретился с Димопуло, который при свидетелях обещал мне выдать упомянутый выше документ и предложил мне зайти к нему на квартиру в тот же день вечером, где и выдал мне его. В процессе следствия мне стало известно, что Димопуло от выдачи нам, староцерковникам, такого документа отказался, высказался за то, что этот документ поддельный, вот это-то и служит материалом обвинения меня. Проверить факт подлинности документа можно путем сличения подписи Димопуло и печати. Если факт отречения Димопуло от выдачи этого документа подтвердится и если подлинность этого документа станет несомненной, то авторитет архимандрита Димопуло в глазах не только всех священнослужителей, но и всех верующих теряет доверие. Наша надежда на архимандрита Димопуло была всегда такова,

что он на случай обращения к нему нас, староцерковников, и их, обновленцев, будет правым и беспристрастным судьей... Теперь же, как это ни удивительно, но приходится верить тому, что преимущество на стороне обновленцев, так как священники-обновленцы села Болтая, Калинина и Озерок Вольского уезда, посмотрев у меня документ Димопуло, возмутились и заявили, что меня за этот документ арестуют и его у меня отберут. Так это и произошло. С 11 февраля я отбываю заключение и нахожусь под следствием, новых материалов следствия не обнаружено, да их и нет. Поэтому прошу Вас освободить меня под расписку или отпустить на поруки нашей общины села Юрьевки...»

20 апреля уполномоченный Саратовского ГПУ составил по «делу» о. Софрония обвинительное заключение: «...являясь священником церкви села Юрьевки, Несмеянов занимался пропагандой и агитацией среди верующих, направленной к возбуждению религиозной вражды, являясь ярким защитником Сергиевской ориентации и непримиримым врагом советской власти... Разъезжая по селам и группируя вокруг себя кулацкий антисоветский элемент и ведя агитацию, направленную к возбуждению религиозной вражды и суеверия среди верующих, он явно подрывал авторитет и политику советской власти в отношении отделения Церкви от государства. Но принимая во внимание, что в деле нет достаточного материала для предания гласному суду на основании приказа ОГПУ № 172 от 2/IV-27 года и положения об органах ОГПУ, п. 7, полагал бы настоящее дело передать через 6-е отделение СО ОГПУ в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для рассмотрения его во внесудебном порядке и применения к Несмеянову административной высылки из пределов Саратовской губернии».

Дело было отправлено в Москву на рассмотрение представителя 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ, который составил свое заключение: «Дело возникло в Саратовском ОГПУ на основании поступивших сведений о том, что гражданин Несмеянов Софроний Харитонович (священник), 56 лет, ведет антисоветскую деятельность... Произведенным следствием инкриминируемое Несмеянову обвинение не установлено».

17 августа 1928 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило освободить священника из-под стражи, «зачтя в наказание срок предварительного заключения».

После освобождения о. Софроний стал служить в храме села Улыбовки Саратовской области. Поднялась новая волна гонений. Советская власть вновь лишала крестьян земли, предоставив им единственную возможность труда на земле – быть рабочими в коллективном хозяйстве. Не коллективного хозяйства боялись крестьяне, деда которых еще не забыли, что и при царе было общинное землевладение. Но то было страшно, что теперь коллективное хозяйство устраивалось людьми неверующими и зачастую ненавидевшими Бога. От этого веяло уже не крестьянским миром, а сатанинским обществом. Для устроителей колхозов и советской сельской власти самым страшным противником виделся сельский священник, к которому крестьяне шли разрешать все свои вопросы и думы. И на священников посыпались доносы, чаще всего вымышленные, но враги церкви в селе понимали, что сейчас пришло их время, и ложные доносы и клевета будут приняты властями за подлинные. Да и уполномоченные ОГПУ подбивали к писанию таких лжесвидетельств. Составлялись они и на о. Софрония, и 29 декабря 1930 года при выезде из села он был арестован. Его обвинили в том, что он будто бы «вел антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий советской власти и партии, проводимых на селе; группируя

женщин, подготавливал массу против хлебозаготовок, займов и разлагал работу колхоза».

На допросе 17 января 1931 года о. Софроний категорично сказал: «Антисоветской агитацией против мероприятий партии и властей нигде не выступал. Женщин и мужчин не группировал. Против хлебозаготовок, коллективизации, займа среди крестьян не говорил. К свержению советской власти массу не подготавливал и коммунистам, и активу угроз не делал».

2 февраля был допрошен председатель сельсовета Улыбовки, накануне давший справку, в которой писал, что о. Софроний «проявил себя как антисоветский человек, вел разговоры против займа и агитировал против колхозного строительства». Теперь на допросе он показывал: «Священник Несмеянов Софроний Харитонович в селе Улыбовке проживал только около двух недель. Откуда он появился – я не знаю, но за время пребывания в селе сумел зарекомендовать себя как антисоветский тип. Среди крестьян по вопросу о весенней посевной кампании говорил: «Вот сейчас заставляют мужика готовиться к севу, а спрашивается, для кого сеять? Для того, чтобы власть опять выгребла у мужиков весь хлеб. Они готовятся к войне, поэтому и жмут мужика, чтобы запастись хлебом». Когда я его вызвал в сельсовет и предложил приобрести облигации займа, он заявил: «Заем я брать не буду, меня и так ободрали на старом месте, где я раньше служил, и теперь вы навязываете облигации. Я вам не мужик, это он боится и поэтому безропотно выполняет ваши распоряжения. Вам мало обирать мужика, так вы и до духовенства добираетесь». И от займа категорически отказался».

В тот же день один из ставленников сельсовета показал, будто о. Софроний «во время своего пребывания в селе Улыбовке вел антисоветскую деятельность, стараясь в глазах верующих завоевать авторитет; одновременно пытался срывать хозяйственно-политические кампании в селе. Среди крестьян говорил: «Лошадей всех замучили, корма нет, власть старается вывезти весь хлеб из района, а мужик отдувайся. Хлеб вывезут, и крестьяне останутся без хлеба. С такими порядками далеко не уедут, надо молиться Богу, чтобы Господь не допустил голода, как в 1921 году».

4 февраля следователь допросил еще одного «дежурного свидетеля», который показал, что о. Софроний «18 декабря 1930 года говорил: «Советская власть хлебозаготовкой разорит все крестьянское хозяйство и загонит мужика в кабалу... его грабят хлебозаготовкой, тыкают ему заем, как нож острый в горло, и гонят насильно в колхоз в новую кабалу, как в огненное пекло сатаны. Мужик при советской власти забит, обезличен, ему не дают рта разинуть деревенские коммунисты, это насилие может разрядиться только самими мужиками – они погибнут при этой власти, если не свергнут ее. Мужики собрали урожай, а у них весь хлеб отобрали, хлеб вывозят в города и за границу, а крестьяне остаются голодными, и в итоге их бесплатно выгоняют на вывоз хлеба в Вольск, лошадидохнут, а советская власть видит мучения крестьян, но молчит, ибо к тому ведут, чтобы окончательно задушить их».

Отец Софроний категорично отверг все выдвинутые против него обвинения. 14 февраля Тройка ОГПУ приговорила его к ссылке в Северный край на три года.

В 1933 году иеромонах Софроний вернулся из ссылки в город Вольск и устроился работать сторожем в Святотроицком храме; но не сторожем хотелось ему быть, и в 1935 году он уехал в Тверь, к святому архиепископу Фаддею,

просить места священника. Владыка направил его служить в храм села Рождественского Кашинского района.

Через год иеромонах Софроний был переведен в село Ульянова Гора, а в феврале 1937 года – в храм села Лозьева Бежецкого района. Священнику было тогда шестьдесят шесть лет, и не поднимись в это время новая волна беспощадных гонений, прослужил бы он в храме до самой кончины. Но начались гонения, – на одних они наводили ужас, а для верующих они явились лестницей, которой они нетрудно шли к Господу в Царство Небесное.

1 сентября 1937 года сотрудник Бежецкого районного отдела НКВД Черепанов вызвал на допрос из села Глазьева пропагандиста райкома ВКП(б) Елина, и тот показал: «Мне известно, что Несмеянов Софроний Харитонович с 1936 года работает в качестве священника и занимается антисоветской агитацией, направленной против социалистического строительства, например, в июле 1937 года колхозница Серова Анна Ильинична, у которой муж занимался пьянством, пошла к священнику Несмеянову с целью отвлечь своего мужа от пьянства. По приходу Серовой к священнику последний предложил ее мужу самому явиться к нему. Через некоторое время на квартиру к священнику прибыл Серов, у них завязался разговор на разные темы. Серов выслушал священника, пообещал вечером зайти и удалился. В этот же день Серов о случившемся сообщил мне. Я ему идти не посоветовал и сообщил об этом в районный отдел НКВД. Из разговора Серова видно, что Несмеянов приглашал его к себе не случайно, а чтобы втянуть его в свою антисоветскую организацию и заниматься контрреволюционной деятельностью».

На следующий день сотрудник НКВД вызвал для допроса Александру Мельникову – хозяйку дома, где первое время по приезду жил о. Софроний, члена церковного совета и псаломщицу. Она показала:

– Лично мне священник говорил, что колхозы являются основной причиной низкой посещаемости церкви. Если бы не было колхоза, каждый крестьянин имел бы полную свободу и являлся бы активным посетителем церкви. Колхозы есть организация противобожественная, которая отучает от Церкви, зачастую колхозник изъявляет желание идти в церковь, а его наряжают на работу.

– Что вы можете сказать о разговорах Несмеянова о сталинской конституции? – спросил следователь.

– Священник Несмеянов имеет текст сталинской конституции, и мне известно, что он ее много раз читал, а о прочитанном мне говорил: «Конституция предоставила право каждому живущему в Советском Союзе свободно посещать церковные службы... Согласно конституции, притеснять нас никто не имеет права, в Ленинграде посещаемость церкви возросла, ходят и молятся жены коммунистов, а коммунисты в этом их поощряют. Крестьяне, проживающие в Лозьеве, в самое ближайшее время тоже будут посещать церковь более активно».

– Что вам известно о призыве Несмеянова к террористическому акту на председателя сельсовета Дементьева?

– В августе 1937 года был молебен, и в это время председатель сельсовета с двумя плотниками зашли в церковную ограду, о чем стало известно всем молящимся. Не знаю, что сказал Несмеянов, но знаю, что из церкви все выбежали, окружили председателя и стали кричать, что церковь разорять не дадим, просим немедленно отсюда удалиться. Дабы избежать недоразумений, председатель говорил окружающим, что он церковь трогать не думает, а пришел

посмотреть тес, и после этих разговоров все молящиеся снова зашли в церковь и стали молиться. Несмеянов по поводу прихода председателя сельсовета в церковь выразил недовольство тем, что церковь притесняют, служить невозможно, и так далее. Его обращением прихожане церкви были взволнованы и в свою очередь договорились не давать сельсовету обирать церковь.

– Несмеянов, будучи вашим квартирантом, часто принимал посетителей и вел с ними беседы? Скажите содержание бесед и фамилии его постоянных посетителей.

– Несмеянов по приезду в Лозьево никого не знал и посетителей у него никаких не было.

На следующий день был вызван на допрос свидетель Иван Серов. Следователь спросил его:

– Что вы можете сказать по делу контрреволюционной деятельности Несмеянова Софрония Харитоновича?

– Мне известно, что Софроний Харитонович Несмеянов с 1936 года работает в селе Лозьево в качестве священника. Занимается контрреволюционной агитацией... дабы противостоять советской власти. Например, в начале августа 1937 года я получил деньги за ремонт школы и немного выпил, о чем узнала жена. Назавтра же жена пошла к священнику Несмеянову и сказала, что я пью и он должен меня отучить. Священник согласился и послал за мной девочку. Когда я пришел к нему в каморку, он меня посадил и начал говорить, что я хороший мужик, но мало молюсь Богу, и на вечер он меня пригласил, чтобы я был у него обязательно, ибо сегодня вечером, сказал он, у меня соберутся некоторые, и мы помолимся. Я вечером к нему не пошел, но знаю, что у него было собрание. Назавтра же священник приходит ко мне и начинает меня упрекать, что я не пришел, предложил мне записаться в его организацию с целью отвыкнуть от вина. В это время жена задала ему вопрос: «Вас, батюшка, кажется, забирали?» Он ответил: «Сейчас новая конституция, молиться Богу может всякий, меня забирать не имеют права, в Ленинграде у коммунистов жены все ходят в церковь, и коммунисты сами их спроваживают и даже дают им денег. Только здесь люди обасурманились и не ходят в церковь, скоро все равно будут ходить». После этих разговоров он ушел домой и еще несколько раз присылал за мной, чтобы я явился к нему. В августе 1937 года ко мне пришла на квартиру теща и говорит, что батюшка очень хорошо читает проповеди, говорит, что люди обасурманились, привыкают к нехорошей жизни, а в конце проповеди сказал, что люди все покаются. Из разговоров моей жены и тещи видно, что священник в своих проповедях протаскивает контрреволюцию, группирует около себя верующих и настраивает их против советской власти. 25 августа 1937 года председатель сельсовета Дементьев пришел ко мне, и мы вместе пошли в церковь смотреть тес. Еще до нашего прихода староста церкви сообщила священнику, что мы идем, а в это время был молебен. Священник обратился к молящимся с призывом защитить его и церковь от грабежа, а по существу призвал всех присутствующих на молебне к террористическому акту на Дементьева. После произнесенной речи священника все присутствующие выбежали на улицу, окружили Дементьева, давай махать кулаками и кричать, что не дадим грабителям грабить церковь, вы и так всех ограбили. Я и Тарасов убежали, а Дементьев остался в кругу. Но, как видно, из боязни, что за покушение привлекут к ответственности, террористический акт не состоялся... Священника, как проповедника антисоветской агитации и врага трудящихся, нужно убрать.

На следующий день следователь допросил председателя сельсовета Дементьева. Он показал:

– 25 августа 1937 года я как председатель сельсовета взял с собой колхозников Серова, Тарасова и Машкова и мы пошли посмотреть тес, принадлежащий сельсовету, хранящийся в церковной ограде. В церкви в это время происходил молебен. Воспользовавшись этим случаем, священник обратился к молящимся, что церковь грабят, не дают покоя, все молящиеся должны заступиться, и призвал всех присутствующих в церкви произвести надо мною террористический акт. После его призыва все молящиеся выбежали из церкви и кинулись на нас. Серов, Тарасов и Машков, испугавшись толпы, убежали, а я остался один. Молящиеся меня окружили, стали махать кулаками над моей головой и кричали: «Грабители, ограбили нас, мы вам покажем, как нас грабить!» – и ряд других контрреволюционных выкриков. Долго меня не отпускали, угрожали мне, но, видимо, из боязни ответственности за убийство, – террористический акт не состоялся. После того как я ушел, молящиеся зашли в церковь, священник начал читать и говорить всем: «Мы живем последние годы, год от года становится все хуже и хуже, родился антихрист, все реки будут залиты кровью...» От его проповеди все присутствующие заплакали. Об этом факте мне сообщила старуха Минеева.

Спустя две недели, 22 сентября, НКВД арестовал священника, и сразу же начались допросы. С завидным мужеством, выдержкой, терпением и всепереносающим христианским смирением держался о. Софроний.

Следователь спрашивал:

– Следствию известно о том, что в начале 1937 года в беседе с колхозником Иваном Серовым и его женой вы истолковывали сталинскую конституцию в антисоветском духе. Что вы можете показать по существу вопроса?

Священник отвечал:

– В мае или июне 1937 года у меня действительно в хате колхозника Серова в присутствии его и его жены происходила беседа о сталинской конституции. В беседе я указал, что конституция очень хороша, особо отметил значение 124-й статьи конституции, где говорится о свободе вероисповедания. Здесь же я сказал, что я читал книгу Ленина, где он пишет, что, хотя муж коммунист, а жена верующая, он как муж не имеет права запрещать жене молиться и ходить в церковь. Других разговоров я о конституции не вел.

– Следствием установлено, что вы 25 августа 1937 года в момент, когда председатель сельсовета Дементьев с понятыми пришел к церкви для осмотра досок, призвали верующих к оказанию сопротивления, чуть не вылившегося в форму теракта над председателем сельсовета Дементьевым и понятыми. Вы подтверждаете это?

– Нет, я отрицаю свое участие в возбуждении толпы верующих. Я был в церкви, занимался богослужением, и верующие сами, по своей инициативе, окружили председателя Дементьева и требовали, чтобы сельсовет не забирал у церкви досок, так как они нужны нам.

– Следствию известно, что вы настойчиво вовлекали гражданина Серова Ивана в организованное вами общество непьющих. Скажите, что это за общество, его цели, задачи и состав.

– Общества непьющих я не организовывал, и о существовании такового мне неизвестно. Зная гражданина Серова Ивана как склонного к пьянству, я два раза

беседовал с ним по этому поводу, советуя ему бросить пить. Один раз он у меня был на квартире, где я советовал ему бросить пить.

– Следствием установлено, что вы занимались чтением в церкви антисоветских проповедей. Расскажите, что вас побудило к этому?

– Проповеди я читаю в церкви, однако все они религиозного содержания. Антисоветских проповедей я никогда не читал.

После допросов священника следователь допросил члена церковного совета Федора Стрижева. Тот показал, что о. Софроний будто бы говорил: «Сейчас все обасурманились, в кооперации нечего взять, все почти голодные, а советская власть угощает крестьян вином, чтобы залить горе народное, а все остальное отправляет за границу». По поводу сталинской конституции говорил: «Исходя из содержания конституции, нас забрать не имеют права, статья 124-я говорит о свободе... а на самом деле притесняли и будут притеснять. Эта конституция обеспечивает свободу и право одним коммунистам, а не крестьянам». В августе месяце в беседе с певчим до начала службы Несмеянов говорил: «Без всяких причин советская власть меня в 1930 году арестовала и выслала на три года. После отбытия срока высылки я, в силу притеснения, поработал на пятнадцати местах, разве это жизнь, когда сочиняют, приписывают, гоняют честных людей строить разные каналы». По поводу «займа укрепления обороны страны» говорил: «Все газеты пишут, что в советской стране жизнь становится зажиточной, а на самом деле, чем дольше живем, тем больше беднеем, и всё потому, что отбирают последние копейки у мирного жителя, и на заем, который выпустила советская власть, крестьяне должны будут под силой нажима отдать последние гроши, на словах живем зажиточно, а на деле голодаем».

Через несколько дней следователь вызвал жену Ивана Серова, Анну. Она на вопросы следователя ответила так:

– В июне месяце 1937 года Несмеянов в своей проповеди излагал антисоветские взгляды: «Жизнь стала тяжелой, наступили, как видно, последние времена, нужно переносить все тяжести и кары, не нарушать сказание Бога». Священник Несмеянов часто заходил в мою квартиру, где велись частные разговоры, и в июне месяце 1937 года говорил: «Живем бедно, в кооперативах ничего нет, кроме вина, как видно, вином думают успокоить горе народное. В ряде стран идет война, беспощадно бьют коммунистов, скоро, видимо, доберутся и до Советского Союза». В августе месяце, будучи у нас на квартире, пришел по делу – попросить меня посолить ему огурцы, мой муж в это время починял хомут, разговор зашел о вине, и Несмеянов говорил: «Ходи чаще в церковь, дай обещание, что пить не будешь, заходи ко мне на квартиру, и мы с тобой побеседуем, опасаться церкви сейчас не нужно, вышла новая конституция, где разрешается каждому свободно верить и посещать церковь». В июле месяце в личной беседе со мной высказывал ряд обид на советскую власть, что его «притесняют, жить невозможно, колхозники ходят рваные, забитые, в церковь их не пускают, а поэтому малые доходы в церкви, советская власть не беспокоится о колхознике, а только обирает его – то заем, то налог, а что имеется, так последнее отправляют за границу. Советская власть построена на насилии, колхозы есть противобожественная организация, и вступать в них не нужно».

Вновь следователи приступили к допросу священника. С каждым новым допросом для о. Софрония становилось все очевиднее, что следствие есть дерзкий оговор, что все от начала и до конца построено на лжи.

2 октября следователь во время допроса спросил:

– Скажите, Несмеянов, сколько раз у вас на квартире устраивались пьянки, кто присутствовал и какие разговоры происходили?

– В мае месяце 1937 года на Пасху после утренней службы я пригласил певчих клироса к себе на квартиру с целью поздравить с праздником Пасхи. Пришли: Стрижев (председатель церковного совета), Мельникова Александра Алексеевна и еще две женщины, фамилии которых не знаю. Зайдя в квартиру, мы пропели «Христос Воскресе». Происходил разговор на тему о составе хора при церкви, и на закуску мною была приготовлена мелкая рыбешка; я сказал, что в кооперативе крупной рыбы нет, а поэтому ограничился этой – «чем богат, тем и рад», а разговоров о том, что в кооперативе одно вино, которым снабжают нашу кооперацию, и больше взять там нечего, я не вел. После того, когда кончили петь «Христос Воскресе», я сделал замечание, что в старые времена пели концерт, а сейчас только «Христос Воскресе».

– Скажите, сколько раз вы были на квартире у председателя церковного совета Стрижева и о чем с ним разговаривали.

– У Стрижева я был два раза, ибо стеснялся к ним ходить, так как у него сын является учителем, и разговоров с последним у меня быть никаких не может. Стрижеву я рассказывал, что меня в 1930 году арестовали и сослали на три года, причем сказал, что сослали меня неправильно, злые люди наговорили, что я якобы вел антисоветскую агитацию против займа, а на самом деле сослали меня потому, что советская власть наметила пятилетний план строительства и хотела избавиться от всех священнослужителей и монахов, и в это число я попал.

– В разговоре с певчей клироса Мельниковой вы, Несмеянов, выражали клевету на колхозы, говорили что эта организация противобожественная, вступать в нее не надо, она отучает людей от церкви. Признаете ли вы себя виновным в распространении контрреволюционных суждений по адресу колхозов?

– У Мельниковой я жил на квартире, часто просил ее купить мне хлеба, но в кооперации мне давать хлеб отказывались; я говорил, что отказывать мне не имеют права, я поставлен народом и кормить меня обязаны. В присутствии Серова и Мельниковой я говорил, что конституция разрешает свободу отправления религиозных культов, статья 124-я. А разговоров антисоветского порядка о колхозах не вел и виновным себя не признаю.

– Следствие располагает сведениями, что вы, Несмеянов, председателю церковного совета Стрижеву по поводу сталинской конституции выражали контрреволюционные взгляды, что «конституция обеспечивает свободу только коммунистам, власть держится при помощи голого насилия, скоро произойдет переворот государственной власти». Признаете ли вы себя виновным в этом?

Выслушав, в чем его обвиняют, священник замолчал, ничего не стал говорить. Можно только представить, какие средства давления предпринимал сотрудник Бежецкого НКВД, чтобы заставить священника оговорить себя. Но Царство Божие, заповеди Господни, страх погрешить перед Богом были ощутимее всех физических мук. Помня, как вел Себя Спаситель на допросе у Пилата, верный служитель Христов, престарелый иеромонах молчал и лишь молился. Скоротечны минуты земной жизни, а вечность – бесконечна. Пусть хоть кожу сдирают, изломают всего, но лжесвидетельствовать он не будет. Все равно стоит одной ногою в могиле.

После отказа священника отвечать следователь Черепанов вызвал бригаду мучителей. Пришли политрук Терещенко, политрук Будяк и помощник оперуполномоченного сержант госбезопасности комендант районного отделения

НКВД Леонов. Но и тогда о. Софроний молчал. Пыточное следствие было мучительным, но не страшным. И никаким образом нельзя было заставить священника себя оговорить. В конце концов следователи составили протокол, в котором писали, что священник на поставленные вопросы отвечать отказался, виновным себя не признал, от подписи по неизвестным причинам отказался.

Физическое состояние о. Софрония было таково, что допрашивать его дальше не было возможности, и следователь составил обвинительное заключение, в котором повторил все лжесвидетельства, прибавив, что священник виновным себя не признал, но уличается показаниями свидетелей – Стрижева, Серова, Дементьева, Елина, Мельниковой и Серовой. Неудовлетворенный, однако, таким поворотом дела, следователь через день снова приступил к допросу священника.

– Следствию известно, что вы распространяли клеветнические слухи о скором падении советской власти и реставрации капитализма в стране Советов. Следствие требует от вас искренних признаний.

– Распространения клеветнических слухов о падении советской власти не вел и виновным в этом себя не признаю, – ответил священник.

Причем на этот раз о. Софроний сам читал записанные следователем вопросы и ответы и подписывался под каждым ответом.

– Следствием установлено, что вы проводили контрреволюционную агитацию, направленную на срыв мероприятий, проводимых на селе коммунистической партией и советской властью. Требую от вас искренних признаний по существу дела.

– На поставленный вопрос отвечать отказываюсь и виновным себя не признаю.

– Следствием установлено, что вы на протяжении ряда лет занимались контрреволюционной деятельностью, направленной на срыв проводимых партией и советской властью мероприятий, распространяли провокационные слухи о войне, о поражении в ней Советского Союза и реставрации капитализма в стране Советов. Признаете ли вы себя виновным в этом?

– На поставленный вопрос отвечать отказываюсь и виновным себя не признаю.

– Вашим ответом следствие не удовлетворено, требую вашей откровенности и искренней признательности по существу дела.

– Повторяю, что на поставленный вопрос отвечать отказываюсь и виновным себя не признаю.

Подписываясь под последним своим ответом, о. Софроний, несмотря на недовольство следователя, написал: «С ответами согласен, а с задаваемыми вопросами не согласен».

Снова следователь позвал бригаду мучителей, снова задавались одни и те же вопросы, и снова – то твердые ответы, то молчание мужественного священника.

– Следствием установлено, что вы в августе месяце 1937 года в беседе с участниками церковного хора высказывали контрреволюционные взгляды, что «советская власть построена на лжи и насилии, правды нигде не найдешь, этой жизни скоро придет конец, в ряде стран идет война, скоро доберутся до Советского Союза и свергнут его». Требую вашего объяснения по существу дела. Признаете ли вы себя виновным в этом?

– Обвинения, приписываемые мне в данном вопросе, категорически отрицаю и виновным себя не признаю.

– В беседе с председателем церковного совета по поводу выпущенного советской властью «займа укрепления обороны страны» вы, обвиняемый Несмеянов, высказывали клевету и антисоветские взгляды, говорили, что «советская власть на словах ведет к зажиточной жизни, а на деле скоро будем помирать голодной смертью; с целью отобрать последние гроши у крестьян выпустили заем, и подписка на последний проводится под силой нажима». Признаете ли вы себя виновным в этом?

– Беседы с председателем церковного совета по поводу займа у меня не было, и таких разговоров я нигде не вел. Виновным в этом себя не признаю.

– Следствием установлено, что вы, после неудачного террористического акта на председателя сельсовета Дементьева, в церкви произнесли контрреволюционную речь: «Настали последние времена, скоро вся земля будет охвачена огненным пламенем, все муки и кары нужно переносить – так угодно Богу, но законам советской власти не подчиняться». Признаете ли вы себя виновным в этом?

– Во время молебна молящиеся выходили на улицу, и там был какой-то шум, после возвращения в церковь я зазвал Стрижева в алтарь и спросил его: «Что это за шум?» Он сказал, что председатель сельсовета приходил за досками, и народ его просил, чтобы он не трогал, после этого все успокоились, и продолжалась служба, речей антисоветского содержания я не произносил. Виновным себя не признаю.

Не доверяя ни в чем лживому, жестокому следствию, о. Софроний в конце протокола своей рукой написал: «От подписи протокола отказываюсь».

1 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила иеромонаха Софрония к расстрелу. Он был расстрелян через день, 3 ноября 1937 года.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 275-294

Примечания

¹ Михаил Степанович Постников родился 30 сентября 1878 года. В 1900 году окончил Воронежскую Духовную семинарию, затем прослушал два курса Томского университета по медицинскому факультету и перешел в Ярославский (Демидовский) лицей, который окончил в 1904 году с присвоением степени кандидата права. В 1911 году окончил историко-филологический факультет Московского университета со званием магистра исторических наук. Образование завершил за границей.

До 1920 года служил в системе Министерств, а затем Наркомата Народного Просвещения. С 1920 года – священник Казанской церкви села Усмани Воронежской епархии. Овдовел. Пострижен в рясофор.

В 1922 году уклонился в обновленческий раскол; назначен уполномоченным ВЦУ по Воронежской епархии в сане протоиерея. 13 октября 1922 года хиротонисан обновленческими архиереями во епископа Вольского, викария Саратовской епархии.

10 марта 1925 года назначен правящим епископом Уральской епархии с присоединением к последней Вольского викариатства. 14 мая 1927 года возведен в сан архиепископа в честь

5-летнего юбилея обновленчества. В 1942 году – юрисконсульт обновленческого Московского Епархиального Управления. В октябре 1943 года он обратился к Патриарху Сергию с покаянной докладной запиской, на что Святейший ответил: "К сожалению, докладная записка просителя не обнаруживает достаточной серьезности в понимании просителем своего канонического проступка, а потому и покаяние просителя недостаточно. Он уходит от обновленцев лишь только потому, что многие из них оказываются безупречными в своем поведении. Но Апостол советует смотреть больше за собой и не судить чужого раба: он пред своим Господом стоит или падает. Восстанет же, силен бо Господь восстановить его (Рим. 14, 4). Основной грех обновленчества не в том, что не все его представители оказались безупречными в жизни, а в том, что обновленчество как корпорация, или, выражаясь языком канонов, как самочинное сборище, откололось от Святой Церкви "и иной алтарь водрузило" (св. Ап. Прав. 31). И не только водрузило алтарь для себя, но и всячески воевало против Святой Церкви, стараясь отторгнуть за собой церковных овец. Это – грех, который не омывается, по учению святых отцов, даже мученической кровью. Между тем, проситель (допустим, по некоторому неразумению) пребывал в этом сборище чуть ли не двадцать лет, находясь с обновленцами в евхаристическом общении.

Характерно, что в докладной записке об этом умалчивается, а со слов просителя мы знаем, что даже в Пасху этого года он приобщался у обновленцев. Да и теперь нельзя с уверенностью утверждать, что с обновленчеством у просителя уже все порвано. Обновленческое начальство наградило просителя (конечно, за заслуги пред своим сборищем, а не пред Церковью) саном архиепископа, и проситель не стесняется носить этот сан и в настоящее время. По общепринятому порядку награды, полученные во враждебном лагере, не носят служителями Церкви. Например, обновленческий митрополит Ювеналий Машковский, вступая в общение с Церковью, сам заявил, что ему неудобно сохранять теперь за собой митрополитство, и с тех пор именовал себя просто епископом. Пусть пример епископа Ювеналия будет предметом подражания и для просителя.

Ознакомившись с этой моей резолюцией, проситель может усмотреть, в чем должен он покаяться, чтобы просить себе общения со Святой Православной Церковью".

Учитывая все сказанное в резолюции, Михаил Постников 5 ноября 1943 года принес покаяние по следующей формуле:

"Я, нижеподписавшийся обновленческий архиепископ Михаил Постников, рождения 1878 года, исповедую Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери и всем святым, и тебе, Святейший Владыко, и здесь присутствующим архипастырям мой великий грех уклонения от Единой Святой Православной Церкви в раскол обновленческий. По окончании Воронежской Духовной семинарии я в недрах Святой Церкви получил хиротонию во диакона и пресвитера, но в 1922 году я среди других уклонился в обновленчество, и не только уклонился, но и принял в обновленчестве архиерейскую хиротонию и потом – возведение в сан архиепископа. Вскоре же я в обновленчестве разочаровался и всячески старался не участвовать в противоцерковной деятельности обновленцев. Однако лишь только в 1930 году формально был уволен за штат, а в евхаристическом общении с обновленцами оставался до настоящего времени. Последний раз я с ними приобщался на Пасху текущего года. Теперь, придя к сознанию всего совершенного мною, я глубоко сожалею, что находился с обновленческой корпорацией, и искренно в этом раскаиваюсь. Ни на какие чины, полученные как награда, я не претендую, я только смиренно прошу принять меня в общение со Святой Православной Церковью, причем заявляю, что всякое сношение с обновленчеством я порываю. Прости меня, Святейший Владыко, и благослови и, вкупе с прочими архипастырями, помолитесь о мне грешном".

После этого он был принят в общение с Московской Патриархией в сущем сане епископа, но оставлен на покое.

12 февраля 1944 года назначен епископом Архангельским, но от назначения отказался.

В июле 1944 года назначен епископом Пензенским и Саранским.

С 27 января 1947 года – епископ Ивановский и Шуйский. В том же году 19 июня уволен на покой. (Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно): В 6 т. – Erlangen, 1979-1989. Т. 4. С. 399-401)